

МАРИНА АХМЕДОВА

ЛЕГКИЙ

СБОРНИК

рассказы

Москва 2026

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
А95

Ахмедова, Марина

А95 Легкий сборник : рассказы / Марина Ахмедова. — М. : РИПОЛ классик, 2026. — 352 с.

ISBN 978-5-386-15577-3

Новый сборник прозы Марины Ахмедовой объединяет истории людей, столкнувшихся с вызовами меняющегося мира. Герои рассказов ищут опору в вере, любви и простых человеческих связях на фоне масштабных политических потрясений. Автор виртуозно фиксирует ускользающие моменты истины, создавая масштабное полотно о поиске смысла и сохранении достоинства в нечеловеческих обстоятельствах. Лаконичная и точная проза, ставшая зеркалом целого поколения.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-386-15577-3

© Ахмедова М. М., 2026
© Издание, оформление.
ООО Группа Компаний
«РИПОЛ классик», 2026

РЕЛОКАЦИЯ

Будь день ненастным, Сергею было бы легче. Но день, как назло, был солнечным, высотки-стекляшки лупили бликами в окно такси. По тротуарам неслись самокаты, и Сережа чуть не расплакался. «Они так себя ведут, — думал он, — будто ничего не происходит и мы не внутри беспросветного ада. Будто отсюда не надо бежать».

Сережа был бы уже за тридевять земель, по крайней мере на границе с Казахстаном, обратиться Темнейший к народу вечером, как обещал. Но он обратился сегодня утром. С вечера у Сергея было плохое предчувствие. В последние месяцы он вообще жил в полном сюрре. Перед сном посмотрел в агрегаторе билеты. Из Москвы до Астаны они чудовищно подорожали, но Сережа мог себе и такие позволить. Утром, изумленно глядя на Темнейшего, он вспотевшими пальцами трогал экран айфона, открывая агрегатор. Стук в ушах заглушал слова из телевизора. Сережа видел только, как Темнейший открывает рот. Он и сам точно не понимал, что его так напугало, смысл слов пока не доходил до него, но он знал, что они несут угрозу лично ему.

Билеты до Астаны еще были, но цены на них менялись как в бешеном счетчике. Сережа выбрал рейс, вылетающий в Астану через три часа. Сегодня он стоил в три раза дороже, чем вчера. Умные люди купили билеты вчера. Умные люди уехали еще после двадцать четвертого февраля! Билет загрузился. В продаже его уже не было. Кто-то его купил, опередив Сережу на несколько секунд. Он нажал на другой билет, пусть тот стоил дороже, но снова не успел вбить свои данные, билет был куплен. Сергей попытался еще и еще, но каждый раз не успевал, словно кто-то играл лично с ним наперегонки. Тогда он поднял на Темнейшего исполненные ужаса глаза. В этот момент Темнейший выразительно замолчал, посмотрел с экрана прямо на Сережу. Сережа застыл будто кролик. С трудом оторвал взгляд от лица Темнейшего и стал смотреть на его руки. Руки в белых манжетах спокойно лежали на столе. Их вид потряс Сергея. Темнейшему семьдесят лет, а в его спокойных руках чувствовалась молодая сила. Наконец в голову ворвалось слово «мобилизация», он вздрогнул и одновременно вспомнил маршрут, который на всякий случай предлагал ему Митя, — от Москвы до Астрахани, оттуда на машине к границе с Казахстаном.

Ночью Сережа спал плохо. Ему снилась прабабушка Антонина Васильевна. Наряженная в розовую блузку, она танцевала. Антонина Васильевна была в такой на праздновании своего девяностолетия. В восемьдесят шесть она сломала шейку бедра, врачи говорили, уже не встанет. Она встала и танцевала на своем юбилее, шатаясь и прихрамывая, но доказывая, что еще может

жить. А должна была умереть в сорок первом — обязана была умереть.

В том году она убегала от немцев по зимней дороге, с шестимесячным ребенком на руках. Ударил мороз. Попутка подобрала Антонину Васильевну, когда ребенок уже отяжелел, и она потом говорила, что в тот момент все сразу и поняла. Пока она шла, ребенок все время молчал и был легким. Но вдруг отяжелел и, не издав ни звука, стал давить на ее окоченевшие руки. Она продолжала его нести, пока не встретила попутку. Развернув одеяло в кабине грузовика, Антонина Васильевна промолчала и, сойдя с попутки, по-прежнему несла сына. (Кстати, Сережу зачем-то назвали в честь него. А прабабушка любила повторять: «Говорят, жизнь тяжела, а она — легка. Тяжела смерть». Эти слова понимали только те, кто знал ее историю.)

Она устроилась на завод и тяжело работала до возвращения с фронта прадеда. Уже после войны родила второго сына — деда Сережи. Но этот эпизод с младенцем всегда вызывал в Сергее изумление. Как? Как прабабка могла жить после такого? Как могла радоваться, плясать на праздниках? Почему сразу не легла в снег и не умерла? По размышлению Сережа приходил к выводу, что люди раньше были жестокими, дикими, не умели ценить жизнь, как ее ценят сейчас, и поэтому войну с немцами, о которой так любило говорить то поколение, встретили спокойно. Как неизбежное. Как то, от чего невозможно сбежать.

Сергею был уже тридцать один год, месяцев шесть назад он расстался с девушкой, о чем не жалел. Детей у него не было — слишком рано. Временами — чаще,

чем хотел, — он думал о том замерзшем младенце, и на глаза его наворачивались слезы, он переживал настоящие душевные конвульсии. Мысленно Сережа обнимал холодного младенца теплыми руками и плакал горячими слезами. Сергей — фоторедактор, продюсер мультимедийных проектов в крупной российской компании — видел те события, в которых жила Антонина Васильевна, черно-белыми. *Те события* казались ему не просто далекими, а отстоящими на расстоянии невозможности от формы устройства, которую мир принял сейчас. Ведь теперь в мире действует спектр цветов. «В цветном мире такие события невозможны», — думал Сережа, повторяя про себя, что *он* бы смерти младенца не допустил.

Антонина Васильевна умерла, когда ей было девяносто семь. Отец Сергея — ее внук — отгрохал поминки в старом родовом доме, расположенном в деревеньке рядом с Великими Луками. Привез туда сколько мог родни, и к вечеру, напившись, они устроили пляску. Сереже в тот день казалось: вот-вот среди двигавшихся рук и ног мелькнет розовая блузка... Из глаз отца, помутневших от самогона, текли слезы, он стучал кулаком по столу и мычал: «Вы даже не представляете себе, кто умер! Кто-о!»

Сергей посмотрел в темный затылок азиатского водителя такси и вспомнил свой сон полностью — ему снились Антонина Васильевна, отплясывавшая на собственных поминках, и отец. Отец стучал по столу, растерянно всматривался в мельтешащих перед его лицом родственников, как будто кого-то искал. «Кто умер? Кто?» — спрашивал он.

Такси проезжало метро «Сокол». «А что, если я не успею? — подумал Сережа. — Что, если меня схватят прямо в аэропорту?» Он поднял дрожащую руку и сфотографировал из окна такси вход в метро, чтобы когда-нибудь потом, если ему все-таки удастся бежать, рассматривать фото и предаваться тоскливым воспоминаниям об этом дне.

«Я оставался сколько мог», — думал он. Митя и Илья свалили первыми. Митя еще в конце февраля обосновался в Казахстане, Илья в апреле — в Узбекистане. Втроем они занимались одним мультимедийным проектом, Митя с Ильей продолжили работать над ним дистанционно и получать зарплату в РФ. Митя постоянно писал ему в чат одно и то же: «Родина — придумка людей, втайне желающих превратить тебя в раба, готового умереть за их иллюзорные ценности». Сережа, несмотря ни на что, не хотел уезжать. Его в столице устраивало все. Страна вела войну с соседом, превращалась в центр мирового зла, от нее отвернулся весь прогрессивный мир, частью которого Сергей себя мыслил, но тут по-прежнему было слишком комфортно, и происходящее Сережи, по крайней мере, не касалось. «Это пока, — писал ему Митя. — Они не успокоятся, пока не сделают из всех нас убийц и соучастников. Останешься, и тебя будут судить как соучастника». Илья писал, что в Самарканде дешевый плов и на рынке можно съесть целую пиалу с ароматной бараниной за копейки — триста российских рублей. «Каждый человек, — писал Илья, — должен в первую очередь думать о себе, и только после этого у него появляется право думать об

окружающих». Уезжай, твердил он. Спаси свою жизнь и жизнь ни в чем не повинного украинца.

В это утро, лихорадочно бросая в рюкзак самое необходимое, Сережа жалел, что не слушал друзей. «Лох-лох. Лох». Ему казалось, что в дверь прямо сейчас постучат и вручат ему повестку. Он кинул в рюкзак новый макбук и зарядные устройства. О его ногу потерялся Булгаков, Сережа посмотрел вниз и не сразу вспомнил, что у него есть кот. Дымчатый избалованный трехлетний британец. Сергей отстранил его ногой. «Придется матери звонить сейчас, — с досадой подумал он, — у нее есть ключи».

В дверь постучали.

Сережа тяжело задышал, кончик его носа покрылся испариной. Конеч.

Это конец...

Не успел...

Военкомат, фронт, смерть...

В дверь снова постучали.

Сергей бесшумно, на цыпочках подошел к двери. Посмотрел в глазок. Мякнул Булгаков. Легкие в груди Сережи встали колом. За глазком в подъезде разливалось зеленое пятно, из которого проступал горб короба.

— Кто? — крикнул Сережа.

— Курьер, — раздалось из-за двери.

— Я не заказывал!

Курьер позвонил в соседнюю дверь. Сережа посмотрел в зеркало, встроенное в шкаф в коридоре. Правое веко набрякло и дергалось, под глазами легли темные круги. За одно утро Сергей изменился.

Он быстро захлопнул окна, перекрыл вентиль газа. Запирая входную дверь, бросил последний взгляд на Булгакова. Тот сидел в луче солнца, пробивающемся в коридор из кухни, и нервно лизал заднюю лапу. Сергей еще чуть-чуть задержался, чтобы перехватить кошачий взгляд, может быть, последний в жизни, но кот на него не посмотрел.

Выйдя из подъезда, Сережа набрал мать.

— Мам, я поехал, — сухо сказал он.

Зашел в приложение — через три минуты такси подъедет к указанной точке.

— Ты не говорил, — отозвалась из трубки мать.

— Сам не знал.

— До вечера не мог подождать? Мы бы к тебе приехали.

— До вечера он успеет еще несколько указов издать, — выпалил Сережа.

Снова сверился с приложением. Такси будет через две минуты. Сережа слышал бухтящий голос отца. Мать, закрыв рукой трубку, что-то говорила ему. Отец пытается забрать у нее телефон, догадался Сережа.

— Да! — наконец услышал он напористый голос отца.

— Я тут, — отозвался Сережа.

Но вместо того, чтобы говорить, отец принялся молчать. Сережа догадался: когда отец взял трубку, вдруг понял, что ему нечего сказать.

Показалось такси.

— Если хочешь, я поищу тебе билет до Астаны, — предложил Сережа. — На время.

— Мне? — обиженно удивился отец и снова помолчал. — Я не мальчик, чтобы бегать, — сказал он.

— Попроси маму Булгакова покормить. — Сережа нажал отбой.

Такси подъезжало к аэропорту. Сережа вспомнил вчерашнюю сцену в кафе возле дома. Он любил сидеть там за маленьким столиком в углу, пить глоточками эспresso, обдумывать проекты, чатиться с Митей и Ильей. С баристой они изображали старых приятелей, здоровались по рукам, но если бы того заменили таким же приветливым, старый безболезненно был бы сразу забыт. Лица многих посетителей кафе были Сергею знакомы — сюда в основном ходили жители соседних домов. Сереже нравилась эта атмосфера маленького клуба для своих, как бывает в Европе. Вчера за столиком сидели постоянные посетители — женщина и по-модному бородатый мужчина. Больше всего Сережу поразило даже не то, что говорила вчера та женщина, а то, что она была беременна. Столик врезался в ее выпуклый живот. Она вдохновенно рассказывала, как вчера встретила у метро группу добровольцев, отправлявшихся воевать на Украину, и испытала такой душевный подъем, такой восторг. Она так и говорила — «Такой подъем! Такой восторг». Сережа поднял на нее изумленные глаза. Блеклое лицо женщины светилось радостью, порозовело. «Ад, — подумал Сережа. — Какой же лютый ад».

— Нельзя останавливаться. — Бородач отпил рафа и демонстративно шумно прополоскал им рот. — Пока всех фашистов не выдавим, останавливаться нельзя.

Сергей вынесся из кафе, оставив недопитым эспresso. «Зомби, упыри», — повторял он про себя, вскакивая

на самокат. Как же так? Казались нормальными людьми. Зомбаки и убийцы повсюду. Они — мертвы. Мертвы потому, что сами хотят убивать. Столько в этой стране оказалось упоротых упырей! Надо сваливать к своим, объединяться со своими. На скорости он промчался мимо женщины с коляской, едва ее не задев.

Войдя в стеклянные двери аэропорта, он услышал страшные ритмичные удары и успел вздрогнуть, побелеть, почувствовать, как пересохло во рту прежде, чем понял — это стучит его собственное сердце. Очередь двигалась к металлическим рамкам. Сережа набрал в поисковике — «мужчинам призывного возраста запрещено покидать территорию России». Ничего не нашел. Набрал — «вручают повестки в аэропортах». Ничего не нашел. Кинул телефон в рюкзак и, задышавшись, вошел в рамку, стараясь не встречаться глазами с сотрудниками аэропорта. Когда его попросили поднять для досмотра руки, у Сережи потемнело в глазах.

В «Кофемании» он выпил двойной ароматный эспрессо. Это был действительно хороший кофе с привкусом дорогого вина. От кофеина и страха у него затряслись руки. Он подумал о том, что в Казахстане не будет такого эспрессо, глаза его увлажнились, но не от мысли о том, сколько всего он терял, покидая Москву, а от чувства несправедливости, которое порождала сама мысль о лишениях. Сергей где-то читал, что желание справедливости — это и есть доказательство божественного происхождения человека. Скорее всего, где-то в соцсетях, в чьем-то посте. Сережа там много чего читал, и некоторые мысли оттуда застревали в его голове, но в ней становились стерильными — теряли

источник происхождения, след и просто загорались в нужные моменты подобием знания. В существование Бога он не верил, но для него мысль о справедливости все равно была близкой и понятной. Может, от того, что он русский? — пришло на ум, и было отвергнуто, с отвращением растоптано мысленно. Так примитивно, так убого и несовременно привязывать себя к какой-то национальности в двадцать первом веке!

В салоне самолета перед самым взлетом Сергей отправил в чат Мите слова из чьего-то поста: «Гнев. Отрицание. Торг. Принятие. Казахстан».

«Поздравляю, — быстро отозвался Митя, — ты покидаешь царство ужасов и беспредела. Лети. У нас масса планов».

«И ноль перспектив», — настрочил Сергей, когда самолет уже оторвался от земли.

«В этой стране», — успел поправить его Митя.

Сережа перевел телефон в авиарежим. В начале прошлого века белая интеллигенция вот так же бежала из страны, подумал он, а потом всю жизнь тосковала. Он окинул прощальным взглядом магистрали, зеленые массивы и постройки Москвы, но не почувствовал даже отголосков тоски. Сережа чувствовал только облегчение. «Жизнь легка, — вспомнилось ему. — Это смерть тяжела». Он бежал сейчас от смерти и потому был прав. Родина — придумка людей, втайне желающих превратить тебя в раба, готового умереть за их иллюзорные ценности. В двадцать первом веке стыдно быть привязанным к земле, когда границы всего мира открыты.

Он хотел представить весь мир, но перед глазами возникли мощные, слышно дышащие леса вокруг Великих

Лук. Это турбины самолета выдыхали покойный усыпляющий лесной шелест. «Пусть эти сказки рассказывают глубинному народу», — успел подумать Сережа перед тем, как самолет наконец преодолел свинцовую крышку неба, и перед его глазами во сне опять замельтешила розовая блузка прабабушки.

В восемь вечера такси встало в конце колонны легковых машин. По словам таксиста, колонна заканчивалась в шести километрах отсюда. За легковой высилась колонна фур, ее хвост находился в двух километрах, по крайней мере, так Сереже показалось, когда они проезжали высоколобые кабины. Встречная полоса была свободна. По обеим сторонам лежала желтая степь, где сухой репей гнулся под ветром.

Сережа пошел вперед со стороны легковой колонны. Та не двигалась. В окнах машин он видел спящих людей. Он шел минут пятнадцать, глядя под ноги, а когда поднял глаза, увидел в степи человека в черном плаще. Тот сидел на коленях. Сергей подумал, его немедленно надо снять для какого-нибудь проекта. Над степью раскатывались темные тучи. Между ними и землей врезалась желтая, с голубым отсветом полоса. Человек сидел прямо в ней, «касаясь» коленями земли, а макушкой — неба. Кадр был грандиозным, мощным в метафорическом смысле. В воображении Сережа уже объяснял его на презентации. Он был уверен: этот человек молится. Но когда навел на него камеру телефона, постоянно искавшего сеть, быстро понял: не молится он. Сергея посетило странное чувство одиночества. Прежде чем он успел сделать кадр, человек

повернулся в его сторону и посмотрел слепым взглядом прямо в камеру. Сережа хорошо рассмотрел проступившее на экране беспомощное лицо, освещенное неестественным голубоватым светом. Он опустил руку с телефоном. Впервые в жизни Сергей отказался от мощного кадра.

Пешей колонны было еще не видно. Быстро темнело, горели фары лишь нескольких машин. Сережа с отвлечением вспомнил таксиста, молодого казаха. По дороге тот много и громко говорил по телефону на своем. В Москве Сережа бы сделал ему замечание, но тут не решился. Несколько раз ему показалось, тот говорит о нем, особенно когда таксист смеялся.

Часа через полтора пути таксист остановил машину и, повернув к нему круглое счастливое лицо, сообщил, что цена поменялась и теперь дорога до Атырау будет стоить не десять тысяч, как обсуждали в аэропорту, а двадцать.

— Но мы договорились, — возразил Сережа. — Речь о такой сумме не шла.

— Сам пойми, — таксист нахмурился, — там, в аэропорту, дорога сюда уже сорок тысяч стоит. Цены быстро меняются. Мне невыгодно терять столько денег.

— Условия договора не меняют на полпути, — ответил Сергей.

Таксист отвернулся от него и минуты две смотрел на трассу, шумно вздыхал и пыхтел.

— Тогда давай ты выходи, — повернулся он к Сереже. — Меня тут жди, я поеду еще человека возьму, и часа четыре максимум, я за тобой вернусь.